

*Yu.R. Garbuzinskaya
(Samara)*

The PRINCIPLE OF MEONAL STRUCTURE OF IMAGE IN THE WORK OF MANDELSTAM

Abstract: *The article describes the principle of the meonal image construction in the work of O. Mandelstam, notes the similarities of the structure of the image with the symbol in the interpretation of SS. Averintsev, semantic links between poems, prose and articles of Mandelstam are conducted and the principle of new dynamic harmony, characteristic for the artistic paradigm of the crisis of the 20th century, is affirmed.*

Keywords: *image, symbol, meonality, semantic poetics, Mandelstam, crisis twentieth century.*

*Н.Н. Кислова
(Самара)*

ИДЕАЛИЗИРУЮЩИЙ БИОГРАФИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ Б.А. САДОВСКОГО (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «АЛЕКСАНДР ТРЕТИЙ»)

Аннотация: *в статье анализируется роман Б.А. Садовского «Александр Третий» как попытка автора выразить свои представления об идеальном русском правителе через обращение к традициям средневекового «идеализирующего биографизма». Роман построен на сложном столкновении и переплетении стилей русской литературы, современной автору и древнерусской. Стилизация проявляется и на сюжетном уровне: описание года жизни императора (линейное жизнеописание) и цикличность времени создают внутреннее повествовательное напряжение при внешней благостности описываемых картин. Позиция автора в романе также возникает на границе личного и безличного повествования: повествователя XX века и средневекового повествователя.*

Ключевые слова: *историческая проза Б.А. Садовского, идеализирующий биографизм, стилизация.*

Произведения Б.А. Садовского содержат множество примеров создания альтернативной биографии, в основе которой авторская игра с историческими фактами, дописывание и додумывание

жизни исторического персонажа. Так, галерея исторических лиц XVIII века представлена в романе «Карл Вебер». В качестве персонажей возникают принц Евгений Савойский, король Фридрих-Вильгельм, Петр I, Мазепа, Меншиков и др., при этом некоторые из них обретают «восполненные» автором биографии. Противоречивый, трагикомический образ Пушкина складывается в рассказах «Три встречи с Пушкиным», «Из бумаг князя Г (1826–1849)», «Петербургская ворожея», «Натали Пушкина и почтмейстер» и романе «Пшеница и плевелы». Взаимоотношения М.Ю. Лермонтова и Н.С. Мартынова определяют движение сюжета романа «Пшеница и плевелы», который уже воспринимается литературоведами как «мифологическая биография М.Ю. Лермонтова» [Пяткин 2013: 18]. Император Александр III в одноименном романе изображается как монарх, удерживающий приход антихриста на русскую землю. Мистическими видениями определяется жизнь Николая I и Александра II в романе «Кровавая звезда».

Использование псевдобиографических элементов — одна из стиливых особенностей писателя, порождающая двойственность восприятия образа. Выбор объектов для создания псевдобиографии свидетельствует прежде всего об интересе писателя к этой личности и ее значимости для него. Б.А. Садовской через псевдобиографии выражает свое представление об историческом лице, о причинах тех или иных исторических событий и о ходе истории в целом, проецирует прошлое на настоящее.

Роман «Александр Третий» написан Б.А. Садовским в 1930 году и при жизни писателя опубликован не был. «Александр Третий» — попытка Б.А. Садовского воплотить свои представления об идеальном российском правителе. Автор использует для ее осуществления прием своеобразного столкновения жанров и стилей русской литературы (вернее древнерусской литературы). Подобную авторскую установку можно возвести к традициям средневекового «идеализирующего биографизма» XVI века, связанного с образованием и укреплением централизованного государства. Примером идеализирующего биографизма этого периода является «Степенная книга», в которой представлена галерея русских исторических царей, великих князей и митрополитов: «Степени его книги, как утверждает автор, золотые, они составляют лестницу, ведущую на небо» [Лихачев 1987: 99]. Д.С. Лихачев писал, что «идеализация была одним из способов художественного обобщения в средние века. Писатель влагал в создаваемый им образ человека (государственного или

церковного деятеля, святого) свои представления о том, каким должен был быть этот человек, и эти свои представления о должном отождествлял с сущим» [Лихачев 1987: 103]. Одной из важных причин возникновения «Степенной книги» становится оправдание царской власти и происхождение царствующего рода, восходящее к римскому императору Августу. Еще одна причина заключается в утверждении союза светской и духовной власти. Жизнеописания русских князей и правителей носят житийный характер, т.е. славословят их «святые подвиги» и «истинное благочестие». «Золотой степенью» (ступенью) становится в изображении Б.А. Садовского жизнь Александра Третьего.

В романе наблюдается не только жанровая стилизация, связанная с «анфасным» жизнеописанием императора, восклицаниями, восторгам, эпитетами повествователя и специфической мозаичностью повествования. Здесь можно видеть столкновение жанров и стилей: линейное время жизни Александра сталкивается с циклическостью времени сюжетного, что создает внутреннее напряжение при внешней благодности. События в романе охватывают календарный год: начинаются с 3 января 1888 года со встречи нового года и заканчиваются встречей нового 1889 года. Роман состоит из 12 глав, каждая из которых названа наименованием драгоценных и полудрагоценных камней. На пространственно-временном уровне главы приобретают значение 12 месяцев, с одной стороны, придавая композиции романа цикличность и переходность, с другой стороны, год жизни становится проекцией всей жизни, века, в котором и начало, и конец, и рождение мира, и предчувствие распада и смерти. Описанный в романе год представляется неким космологическим циклом, где начало — есть начало времен, зарождение и расцвет, а финал — близок к эсхатологическим картинам.

Цитата из Евангелия от Матфея «Блаженны миротворцы яко тии сынове Божии нарекутся» [Евангелие 2018: 5:9], являющаяся эпиграфом к роману, формирует читательское восприятие образа царя, чье имя вынесено в заглавие текста. Ключевым в этой заповеди блаженства является слово «миротворец». Идея мира и образ Александра III как хранителя мира пронизывают всю ткань повествования романа. Новогодняя телеграмма Государя со словами «*Мир, коим благословляет Нас Провидение, дозволит в наступившем году и в грядущие годы посвятить все силы государства на дело внутреннего преуспевания*» [Садовской 2018] названа «празд-

ничной голубкой», облетевшей с «веткой мира» не только все уголки Европы, но и Америку. Б.А. Садовской изображает ответную реакцию европейских правителей таким образом, чтобы подчеркнуть силу и могущество русского царя и русского государства: *«всем европейским правителям памятно царское слово: обстоятельства могут призвать меня к вооруженной защите»* [Садовской 2018], и одновременно показать миролюбие императора, а значит и России: *«Дряхлый император Вильгельм сказал молодому внуку: немцам надо дружить с Россией»; «И посол французской республики в Берлине подтвердил: французы желают мира»; «Сам президент Карно, просматривая газеты, скрывал одобрительную улыбку в густых усах»* [Садовской 2018].

Б.А. Садовской на протяжении романа закрепляет за Александром III несколько наименований: Государь, Хозяин, Царь. Важное значение при создании образа имеют эпитеты при этих наименованиях: «Хозяин добрый», «ясноглазый Царь», отражающие не столько авторское восприятие, сколько точку зрения персонажей романа. В частности, словосочетание «Хозяин добрый» «звучит» из уст народа. Образ народа Б.А. Садовской мастерски «составляет» путем перечисления разных сословий, празднующих «шумные святки»: *«По всей России кутили, рядились, плясали, пели, разукрашивали елки; катались на тройках, на салазках, на коньках. Старые помещики в венгерках и архалуках вспоминали Крымскую кампанию, толковали об охоте с борзыми, о цыганских песнях; дымили трубками, покрикивали на казачков <...> В Казани драгунские офицеры готовят бал; у симбирского предводителя большой раут. Тульские купчихи у медных самоваров поют подблюдные песни. Семинаристы в Орле танцуют польку с поповнами. Мещане по уездным городкам выпивают. Пей, ребята: Хозяин добрый!»* [Садовской 2018]

Смена субъектов речи (от безличного повествования к личному) позволяет писателю создать на страницах романа идеальный образ царя, всеобщего любимца, близкого и понятного народу: *«Засев за образа, мужик поглаживал бороду: со стены приветливо глядел ясноглазый Царь с такой же окладистой бородой»; «Одевается скромно, лишь на балах его видят то в кавалергардском колете с орденом Подвязки, то в лейб-гусарском ментике наотлет. И как идет ему богатырская борода!»* [Садовской 2018]. Писатель на протяжении романа подчеркивает физическую силу и красоту Александра Третьего: *«могучий, дородный, рослый»* [Садовской 2018].

Все эпитеты к образу Александра Третьего носят исключительно положительную коннотацию, точно также и описание действий царя постоянно сопровождаются словами с позитивным значением: «<...> бросила в руки Царю бумагу; он с доброй улыбкой принял» [Садовской 2018]. Внимательность к просьбам, способность понять, готовность войти в сложную жизненную ситуацию просящего – качества, которые придают образу Александра Третьего черты идеального правителя. Недаром при описании «производства юнкеров» писатель пишет: «их влюбленные лица к нему, как цветы к июньскому солнцу» [Садовской 2018], и приводит в пример историю, когда сам император заступился перед военным министром за пехотного юнкера, который «просит о назначении в Калугу: там его хворый отец; он умрет без сыновьей помощи» [Садовской 2018].

Одним из излюбленных приемов Б.А. Садовского при создании образа Александра III является использование чужой точки зрения, характеристика царя с позиции стороннего наблюдателя: «<...> отзыв Гладстона о русском Царе: его нельзя не любить; такие монархи теперь не мыслимы: ни единой темной тени в венце его»; «Да и кому в Европе не известна честность Александра Третьего, неумолимая, строгая, щепетильная? На ней основана вся русская политика. Никогда, даже в детстве, даже в шутку не мог он солгать» [Садовской 2018]. Важным поэтическим приемом стало и не прямое цитирование царя: «Быть может, припомнились царские слова: за Болгарию я не пожертвую ни одним солдатом» [Садовской 2018].

Описание внутренней и внешней политики государя занимает важное место в создании образа. Б.А. Садовской использует не только характеристику царя третьими лицами, но и через прямую речь Александра Третьего приводит читателя к пониманию его нравственных установок. Царь осуждает взятки («Во Франции все можно купить»); обнажает несоответствие между провозглашаемым и реальностью («Когда Буланже явился в заседание парламента, стражу в Бурбонском дворце пришлось утратить. Целая армия стояла под ружьем. Это в так называемой свободной стране»); утверждает невозможность монархии без почитания и принятия Церкви («Монархию нельзя навязать народу, воспитанному вне Церкви. Царство земное, как и Божие, создается в сердцах»); не приемлет предательства («Поддержать французского короля наш долг, но кто этот король? Внук буржуазного Людови-

ка-Филиппа. Да, Буланже покуда за него, но он же и за принца Бонапарта. А будет нужно, обоих продаст»).

Образ Александра создается писателем и с помощью эпистолярных. Б.А. Садовской цитирует собственные записи императора и дневниковые заметки иностранных послов. Эти записи нередко имеют афористический характер: «Симпатичное, тихое, теплое пребывание» (заметка Государя в тетради для посетителей); «Время закрепляет только те союзы, что заключаются честно, в тиши всеобщего мира, а не под бурей войны» (запись слов Государя французским послом) [Садовской 2018].

Б.А. Садовской подчеркивает, что Александр Третий последователен в своих действиях и решениях: он приложил усилия, чтобы раскрыть заговор против отца, в результате которого тот был убит, и к царевубийцам непреклонен: «Я готов. Свой долг я исполню, а там будь, что будет» [Садовской 2018], он не торопится вмешиваться в дела чужого государства («Но письмо Буланже к Государю осталось без ответа») [Садовской 2018].

Царь на страницах романа предстает как меценат («в Академии художеств на выставке выбрал для Русского музея ряд картин»), благотворитель («навестив больного историка Бестужева-Рюмина, положил под подушку ему денежный пакет: приказываю вам лечиться за границей»; «оренбургским погорельцам Государь пожертвовал двадцать пять тысяч»), внимательный и разносторонний читатель («на масленице Государь читал Барсукова «Жизнь и труды Погодина», «Я учился истории по вашим учебникам», – сказал Государь Иловайскому»). Б.А. Садовской использует приемы градации и перечисления при описании дел Александра Третьего [Садовской 2018], фиксирует и малейшие проявления внимания государя к людям искусства и науки, и его заботу о их благосостоянии, создавая тем самым образ царя-батюшки, для которого каждый его поданный дорог и близок: «В тот день Государь пожаловал щедрую премию вдове Миклухи-Маклая; другой путешественник, Пржевальский, произведен в генералы. Сердцу Государя близки поэты, художники, ученые. Еще в юности любил он беседовать с Аксаковым, Буслаевым, Соловьевым, Забелиным, Гротом; поощрял таланты Васнецова, Репина, Сурикова, Крамского. Из актеров отмечены им Сазонов, Горбунов, Медведева, Ермолова, Ленский, певец Хохлов» [Садовской 2018]. Подобно летописцу, он «записывает» благодеяния царя, стараясь сохранить их для истории, в назидание потомками, на примере показать, как надо

поступать правителю: *«В генеральских чинах поэты Полонский и Майков, беллетрист Григорович, философ Страхов, химик Менделеев, живописцы Айвазовский и Боголюбов, композитор Рубинштейн, историки Ключевский, Иловайский и Бартенева <...> Тайным советником скончался Катков. Фету пожалован орден Анны, Гончарову роскошная чернильница. Чайковский получил пожизненную пенсию; Балакирев назначен директором придворной капеллы. Последнему декабристу престарелому Муравьеву-Апостолу возвращены все права и знаки отличия; государственный преступник Лев Тихомиров отечески прощен»* [Садовской 2018]. Многочисленные перечисления прерываются чужой речью: *«По всей России пронесли слова старообрядцев Государю: нам в твоих новизнах старина наша слышится»* [Садовской 2018], также служащей задачей автора по идеализации правителя. При этом автор не считает необходимым объяснять, за какие заслуги награждаются поданные: *«В звании камергеров и камер-юнкеров Высочайшего двора поэты Случевский, граф Голенищев-Кутузов, князь Ухтомский, граф Бутурлин, Павел Козлов, Владимир Мятлев, Всеволод Соловьев»* [Садовской 2018]». Писатели, художники, композиторы, ученые отвечают царю вниманием, видят в нем человека, способного по достоинству оценить произведения искусства и достижения науки (Гончаров преподносит ему собрание своих трудов). Тема поэта и власти в изображении Б.А. Садовского приобретает благостное звучание, что тоже обусловлено установкой автора на создание идеальной биографии русского царя.

Б.А. Садовской идеализирует не только самого царя, но и все государство, изображая его как страну изобилия, подчеркивает растущее благосостояние, величие, богатство и влияние на другие страны. Он пишет о том, как Петр Ильич Чайковский, принятый Государем, рассказывает, как покорял Берлин, Лейпциг, Гамбург, Париж и Лондон, а в Праге его успех превратился в *«мощную руссофильскую овацию»*; отмечает, что в Париже все русское в моде: *«Строятся искусственные горы: по рельсам летят тележки, в них взвизгивают француженки <...> С небывалым успехом идет пантомима “Скобелев”. Ярославские рожечники и нижегородские кустари наживают в Париже большие деньги; в ходу самовары и русский чай»* [Садовской 2018]. И такая мода вызвана прежде всего авторитетом и популярностью самого Александра Третьего за границей. Распространение русского искусства, ремесел, культуры в целом, в том числе и бытовой, связано, по мысли автора, еще

и с тем, что государь сам любит и ценит русский уклад жизни: *«Любит Государь простые русские блюда: щи с кашей, кулебяки, ядреный квас, блины, хрустящие на чугунных сковородках. Водка к столу московская от Петра Смирнова; любимая закуска грузди: кахетинское из имения Карданах графа Сергия Дмитриевича Шереметева»* [Садовской 2018]. В нем подчеркивается демократическое начало: *«С приближенными Государь разговаривает на «вы»; руку дает для пожатия, не для поцелуя; грубых слов от него никогда не слышал никто»* [Садовской 2018], аскетизм и работоспособность: *«Спит Государь четыре часа в сутки», «одевается скромно», из всех орденов носит «одного Георгия»* [Садовской 2018].

Необходимость всеобъемлющего описания процветающей при Александре Третьем России обуславливает использование писателем «общей (всеохватывающей) точки зрения» [Успенский 2000: 112]: *«По всей России строятся десятки тысяч церковноприходских школ. Побежали на юг поезда по рельсам из русской стали. Воздвигнуто девять крепостей; Балтийский флот усилен, Черноморский возрожден. Овцеводство, виноделие, пчеловодство, лесные, горные и рыбные промыслы. Орошение пустынь, осушка болот. Золотые россыпи в Сибири, шахты на Дону, уральский чугун. Иконописное и кустарное мастерство; русский фарфор, русский мрамор. Табачные и свекловичные плантации. В Крыму, на Кавказе, в Средней Азии хинное дерево, мускатный орех, хлопчатник, рис, шелковица, кофе, чай. Россия для русских»* [Садовской 2018]. Точка зрения «птичьего полета» [Успенский 2000: 112] очень часто используется писателем в конце главы: *«По всей России пора мирного юта. Вечерний благовест смолк. На столах разноцветные скатерти, кипят самовары, звенит чайная посуда. Качели, хороводы, горелки, детский крик. «Боря, не шали!» Охотники спешат с болот, косари с лугов. Звонко бьют перепела, дергачи скрипят, рассыпаются кузнечики. Переливы пастушьих рожков и свирелей, щелканье кнута. Рожь, конопля, тмин, гречиха дышат и млеют; благоухают липы; в полном цвету жасмин»* (глава шестая «Агат») [Садовской 2018]. Подобные сцены напрямую связаны с авторской концепцией образа Александра Третьего как миротворца, как правителя, исключительно заботящегося о государстве и своем народе.

Значительную роль в романе играет описание приемов царя и царской семьи во время их путешествия на юг: в изображении Б.А. Садовского это идиллическая картина всеобщего восхищения,

почитания, гостеприимства от дворян, купцов, «мужиков с хлебом и солью» до кабардинцев и грузинских князей. Писатель вводит в роман и историю крушения царского поезда 17 октября 1888 года, изображая «чудесное» спасение царской семьи. Важное значение здесь приобретает реакция страны на «громовую весть»: все молятся о Царе, связывают его спасение с пророчеством Осии, чья память 17 октября: *«От челюстей ада искуплю их, от смерти их избавлю: смерть, где твое жало? ад, где твоя победа?»* [Садовской 20018], радуются чуду: *«от собора студенты и гимназисты с восторженными кликами бегут за коляской до Аничкина дворца»* [Садовской 2018].

Б.А. Садовской словно бы постепенно подводит читателя к утверждению образа Александра Третьего как последнего православного царя, удерживающего приход Антихриста на землю. Герой романа исключительно положительный человек, идеальный правитель, и живет он в приближении «царствия Божьего» [Садовской 2018]. Уже с первой главы и в каждой последующей главе писатель упоминает об изменениях в природе, стихийных бедствиях, землетрясениях, ураганах, радугах зимой, «просветлениях» икон, а в одиннадцатой главе описывает сцену разговора Царя со схимником в лесной глуши. Речь схимника выражает позицию автора романа: *«Один ты помазанник Христов на земле, один самодержец. Прочих владык избирают грешные люди, тебя сам Бог. И только ради тебя щадит растленную землю рука Господня. Со смертью твоей кончатся мирные дни. Знаменем семнадцатого октября пророк Осия взывает: покайтесь, приблизилось царствие Божие. Но не услышат беззаконники и не покаются. На Русь сойдут такие бедствия, горе такое, подобия коим и не было никогда»* [Садовской 2018]. Здесь же звучит пророчество о судьбе сына Александра Третьего Николая II: *«За сына молись: ему уготован венец терновый»* [Садовской 2018]. Еще в 1921 году в эссе «Святая реакция» он напишет: *«необходимо, чтобы Церковь и государство, подобно душе и телу, слились в единый кристалл»* [Садовской 1990: 436], и в этом только случае, по его мнению, Россия не погибнет. Таким образом, в концепции Б.А. Садовского нравственная природа правителя – залог сохранности государства.

Роман заканчивается описанием повседневной жизни всех исторических лиц, упомянутых в предшествующих главах, накануне нового года. Двенадцатая глава отличается по тональности: в ней тревога (сообщается о болезни почек у Государя), предчувствие

смерти (Иоанн Кронштадтский служит молебн у сатирика Салтыкова, чье больное «злое сердце» не может обрести мир), ужас перед миром, в котором смешаются ценности («родителей и Царя не чтут; прелюбодеяния, убийства, кражи, клевета – обычное дело. Образ Божий искажен. Женщины становятся похожи на мужчин, мужчины на женщин» [Садовской 2018]). Чуть пошатнувшееся здоровье Александра Третьего, его рассеянность и задумчивость словно проецируются Б.А. Садовским на народ и государство: «В усадьбах умирают один за другим старики-помещики. Кончился Жуков табак, оранжереи, борзые. И все нахальнее дым закоптелых фабричных труб. Яростно кричат и корчатся в люльках сыны погибели; зреют в утробах зародыши многообразного хама» [Садовской 2018]. И если внешне еще ничего не изменилось, но, как пишет Б.А. Садовской, «белым ангелам» в новогоднем небе «уже иные сердца внимают» [Садовской 2018].

Роман «Александр Третий» обращен к памяти жанра жития, в котором идеализация личности реального исторического лица является неотъемлемой составляющей создаваемого образа, а позиция автора приподнята и все ведущая. Б.А. Садовской подобно средневековому автору жития прославляет Александра Третьего как милосердного и мудрого правителя, заботящегося о своих поданных, верного сына православной церкви. Со смертью Александра Третьего «кончатся мирные дни», «на Русь сойдут такие бедствия, горе такое, подобно коим и не было никогда» [Садовской 2018]. Смена субъектов речи, применение несобственно-прямой речи в романе «Александр Третий» – это и современная (в смысле XX в.) повествовательная стратегия, близкая к приему стилизации, и попытка возродить позицию средневекового повествователя, мнимая объективность которого проявлялась за счет анонимности и безличности автора. Такая игра со стилем необходима Б.А. Садовскому, который не хочет напрямую манифестировать свои монархические взгляды (тем более, они совершенно несовременны), поэтому и облекает их в стилизованную форму.

Список литературы

1. Евангелие от Матфея. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/mf/> (дата обращения: 04.01.2018).
2. Лихачев Д.С. Человек в литературе древней Руси // Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3 т. Т. 3. Л.: Художественная литература, 1987. С. 95-103.

3. Садовской Б.А. Александр Третий. URL: http://az.lib.ru/s/sadovskoj_b_a/text_1930_alexandr_tretiy.shtml (дата обращения: 04.01.2018).

4. Садовской Б.А. Святая реакция // Садовской Б.А. Лебединые клики. М.: Советский писатель, 1990. С. 429-436.

5. Пяткин С.Н. Роман Б.А. Садовского «Пшеница и плевелы» как мифологическая биография Лермонтова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2013. № 2 (114). С. 18-29.

6. Успенский Б.А. Поэтика композиции. СПб: Азбука, 2000. 352 с.

*N.N. Kislova
(Samara)*

IDEALIZING BIOGRAPHISM IN THE WORKS OF B.A. SADOVSKY (ON THE NOVEL «ALEXANDER III»)

Abstract: *the article analyzes the novel by B.A. Sadovsky «Alexander III» as the author's attempt to Express their ideas about the ideal Russian ruler through an appeal to the tradition of medieval «idealize-present biographism». The novel is built on complex collision and re-weaving styles of Russian literature, contemporary and old Russian-tion. Styling is evident on the level of plot: description year of life of the Emperor (biography) and the cycles of time create an internal narrative tension when the external blah-lastnosti of the described paintings. The position of the author in the novel also occurs on the border of the personal and the impersonal narration: the narrator of the twentieth century and the medieval narrator.*

Keywords: *Historical prose B.A. Sadovsky, idealizing biographism, styling.*